

ISSN 2307-4671

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
КАФЕДРА РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ
И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
ЛАБОРАТОРИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ
И РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**МИРОВОЗЗРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ
ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ**

ВЫПУСК VII

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2014

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43
М64

Ответственный редактор:
доктор исторических наук *П.К. Дашковский*

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук *Л.Н. Ермоленко*
доктор культурологии *Л.С. Марсадолов*
доктор исторических наук *Т.Д. Скрынникова*
доктор философских наук *О.М. Хомушку*
доктор исторических наук *Л.И. Шерстова*
доктор исторических наук *С.А. Яценко*

М64 **Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе**: сборник статей / под ред. П.К. Дашковского. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. – Вып. VII. – 218 с.: ил.
ISSN 2307-4671

В сборнике представлены результаты изучения различных мировоззренческих систем народов, проживавших на территории Южной Сибири и Центральной Азии в древности, эпоху средневековья и в период этнографической современности. Ряд работ посвящен изучению религиозных верований и обрядов современных традиционных обществ, новым религиозным движениям, а также особенностям государственно-конфессиональной политики.

Издание рассчитано на религиоведов, историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей религий и культуры народов Азии.

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43

Сборник подготовлен и издан при финансовой поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии (проект № 13-21-03001a/G, тема «Этнокультурные и политические процессы как факторы исторической динамики религиозной ситуации в трансграничном пространстве юга Западной Сибири и Западной Монголии»)

© Оформление. Издательство
Алтайского государственного университета, 2014

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
ALTAI STATE UNIVERSITY
DEPARTMENT OF THE RELIGION SCIENCE
AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS
LABORATORY OF THE ETHNOCULTURAL
AND RELIGION SCIENCE RESEARCH

**THE WORLDVIEW OF THE POPULATION
OF THE SOUTH SIBERIA AND CENTRAL
ASIA IN THE HISTORICAL RETROSPECTION**

VII ISSUE

Barnaul – 2014

Executive editor:

P.K. Dashkovskiy (Doctor of Historical Sciences)

Editorial board:

L.N. Ermolenko (Doctor of Historical Sciences)

L.S. Marsadolov (Doctor of Culturological Sciences)

T.D. Skrynnikova (Doctor of Historical Sciences)

O.M. Homushku (Doctor of Philosophic Sciences)

L.I. Sherstova (Doctor of Historical Sciences)

S.A. Yatchenko (Doctor Historical Sciences)

M64 The worldview of the population of the South Siberia and Central Asia in the historical retrospection / Ex. editor P.K. Dashkovski. – Barnaul, 2014. – VII issue. – 218 p.

In the collection of the papers the results of the research of the various world view system of the people lived on the territory of the South Siberia and Central Asia in ancient times, in the epoch of the Middle age and in the period of the ethnographical present. Series of works are devoted to the research of the religious beliefs and rituals of the modern and traditional societies, new religious movements as well as the features of the state-confessional relations.

The book is directed towards the specialists of the religious study, historians, archaeologists, ethnographers, specialists on the cultural studies and everyone who are interested in the history of religions and culture of the people of Asia.

ISSN 2307-4671

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
--------------------------	----------

I. Теоретические аспекты изучения мировоззрения древних и традиционных обществ

<i>Дашковский П.К.</i> Структурализм и археология: теоретико-методологические основы мировоззренческих реконструкций в скифо-сакской номадологии	9
--	---

II. Религиозный фактор в истории древних и средневековых народов Евразии

<i>Сериков Ю.Б.</i> Искусство каменного века Урала	29
<i>Дашковский П.К.</i> Стелы и оленные камни из памятников древних кочевников Северо-Западного Алтая.....	46
<i>Почекаев Р.Ю.</i> Законотворческая деятельность тюркских правителей VI–XI вв. в контексте правового развития кочевых народов Евразии (формы, содержание, преемственность традиций).....	63
<i>Бубенок О.Б.</i> Новации и традиции в погребально-поминальной обрядности древних тюрков Центральной Азии	77
<i>Тишин В.В.</i> Отражение двух уровней верований древних тюрков VI–VIII вв. в культах почитания территории	90
<i>Руденко К.А.</i> О магических и культовых предметах именьковской культуры: к вопросу о мировоззрении населения Казанского Поволжья в эпоху Великого переселения народов	106
<i>Марсадолова Т.Л.</i> К вопросу о сложении иконографии Иисуса Христа и Богоматери.....	128

III. Сакральная архитектура и палеоастрономические исследования

<i>Ларичев В.Е., Паршиков С.А.</i> Зурван и порождения его – близнецы-антагонисты в композиции на скале окрестностей вары «Саратский Сундук» (опыт реконструкции космогонии и космологии жречества окуневской культуры и проблема взаимоотношений зороастризма и зурванизма).....	140
--	-----

IV. Этноконфессиональные процессы, государственно-церковные отношения в Центральноазиатском регионе и России

<i>Мендешева В.М.</i> Протестантские организации в Республике Алтай	180
<i>Шиженский Р.В.</i> «Я язычник!» – к вопросу о самоопределении прозелитов славянского раган-движения (на примере ярославской общины «Велесово Урочище»)	188
<i>Жанбосинова А.С.</i> Казахский джихад и казахстанская толерантность: современные этноконфессиональные процессы ...	200
Список сокращений	212
Сведения об авторах	214

Пяткин Б.Н. Представления древних людей о пространстве и времени по курганным надгробным сооружениям // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск, 1987.

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб., 1994. 208 с.

Савинов Д.Г. Об оленных камнях «смешанного» типа // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул, 2007. С. 105–108.

Степанова Н.Ф. Гривны из погребений скифского времени Горного Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2001. №7. С. 89–94.

Тишкин А.А. Погребальные сооружения курганного могильника Бийке и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 20–54.

Тишкин А.А. Новые и известные находки каменных стел и изваяний скифского времени на Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2005. Вып. XIV. С. 171–179.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Результаты радиоуглеродного датирования памятников пазырыкской культуры Ханкаринский дол и Яломан-III // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб., 2007. С. 291–299.

Худяков Ю.С. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 136–162.

Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник. Новосибирск, 1984. 99 с.

Чугунов К.В. Оленные камни и стелы в контексте элитных комплексов Саяно-Алтая // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул, 2007. С. 109–113.

Р.Ю. Почекаев

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Санкт-Петербург*

**ЗАКОНОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ТЮРКСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ VI–XI вв. В КОНТЕКСТЕ
ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ КОЧЕВЫХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ
(формы, содержание, преемственность традиций)**

В современной историографии сложился стереотип о тюркском праве как праве, преимущественно обычном, причем этот стереотип в значительной степени был перенесен и на более поздние тюрко-монгольские государства – Монгольскую империю, Золотую Орду,

Казахское ханство и др. (Бутанаев В.Я., 2004, с. 12; Жекшеев А.С.; История, 2004, с. 52–53; Рязановский В.А., 1931, с. 275 и след.). Несомненно, роль обычного права в степных государствах Евразии была весьма велика, и оно фактически составляло самостоятельную систему права, в которую государственные власти не вмешивались (см. подробнее: Почекаев Р.Ю., 2006, с. 304–305). Однако не меньшее значение имели и нормы, регулировавшие взаимоотношения между различными государственными институтами, а также между государством и обществом – а это регулирование осуществлялось в тюркских обществах на основе норм, создававшихся правителями государства.

Эта разновидность права, называемая в юридической антропологии «право государства», появлялась в различных странах и на разных этапах истории, но именно в тот период, когда на смену родоплеменному объединению приходила государственная власть, появлялись институты управления, аппарат принуждения, поведение подданных в той или иной степени регулировалось волей правителей (Ковлер А.И., 2002, с. 183–184). Именно этот этап переживало древнетюркское общество в VI в., и именно с ним мы связываем возникновение «права государства» у тюрков – как права, заново создаваемого правителями, а не обычных норм, передававшихся из поколения в поколение (Жумаганбетов Т.С., 2008, с. 16, 18).

Тот факт, что именно правители государств создавали право, а не опирались исключительно на волю Неба и сложившиеся стихийно древние обычаи, нашел отражение в средневековых памятниках – нарративных, эпиграфических, эпических и литературных источниках.

Одним из наиболее важных, на наш взгляд, свидетельств о существовании у тюркских народов системы права, установленного правителями, являются китайские источники. В собрании китайских сведений о кочевых народах Центральной Азии, подготовленном Иакинфом Бичуриным, содержится немало сведений о праве и конкретных законах кочевых народов, причем не только тюрков, но и их предшественников – хунну, сяньби, жоужаней и пр. Так, например, Сыма Цянь сообщает о законах хуннских шаньюев, законодательной деятельности сяньбийского вождя Таньшихая, более поздние китайские хроники сообщают о законодательстве другого сяньбийского вождя Шеигяня и жоужаньского правителя Шелуня Дэудай-хана; а один из последних жоужаньских правителей Чеуну

даже был «возведен на престол под наименованием Дэуло-Фуба-Дэудай-хана, что на языке Дома Вэй значит: издавший постановления, т.е. *законодатель хан*» (Бичурин Н.Я., 1998, с. 50, 157, 175, 189, 199–200). В хронике «Тан ши» («История династии Тан») сообщается о законах Тюркского каганата, действовавших во времена кагана Мугана, и о сближении тюркских законов с законодательством Китая в правление кагана Гарду (Бичурин Н.Я., 1998, с. 234, 248). Та же династийная хроника «Тан ши» сообщает и о законах киргизов (Бичурин Н.Я., 1998, с. 361). Не подлежит сомнению, что речь идет не о правовых обычаях, а о законодательстве, установленном именно правителями государства: в китайской правовой традиции издавна существовало разделение и даже противопоставление законов «фа» и обычаев (или ритуалов) «ли» (Кычанов Е.И., 1986, с. 6), поэтому терминологическая путаница в китайских источниках исключается. Как видим, китайские источники не только отмечают существование законов в древнетюркских государствах, но и соотносят их с конкретными правителями.

Древнейшие тюркские надписи, обнаруженные на р. Орхон и Енисей, сообщают о законодательной деятельности выдающихся тюркских каганов. Так, например, в надписи, сделанной по приказу тюркского правителя VII в. Йолыг-тегина, имеется сообщение: «Когда вверху возникло Голубое Небо, а внизу – Бурая Земля, между ними обоими возник род людской. И воссели над людьми мои пращуры Бумын-каган, Истеми-каган. Воссев на царство, они учредили Эль (Государство) и установили Тёрю (Закон) народа тюрков...» (цит. по: Кляшторный С.Г., Султанов Т.И., 2009, с. 85; ср.: Мелиоранский П., 1899, с. 64; Klyashtornyi S.G., 2004, p. 13). В надписи в честь Кюль-тегина сообщается: «Восстановил наш эль мой доблестный отец. / Народу, дав закон, сам к предкам отошел» (Каменные письма, 106). Анализ тюркской эпиграфики позволил исследователям вывести своеобразную правовую идеологию, представленную в виде парадигмы «Правитель (каган) – государство (эль) – право (торе)» (Мелиоранский П., 1899, с. 83; Klyashtornyi S.G., 2004, p. 13; Golden P. 2006, p. 37). Как видим, тюрки вполне определенно связывали возникновение права и законодательства не с изначально существовавшими обычаями, а государственной властью и лично монархами.

Весьма ценным источником, содержащим сведения о законотворчестве тюркских правителей, являются литературные и эпи-

ческие произведения. В отличие от вышеупомянутых надписей, они повествуют не о реальных исторических деятелях, а о неких легендарных правителях, вероятно – своего рода стереотипах или эталонах идеальных монархов. Однако и в этих сочинениях речь идет о законодательной деятельности как прерогативе государя. В «Огуз-наме», сочинении Рашид ад-Дина, составленном в начале XIV в. на основе древнетюркских преданий, сообщается: «Тогрул сказал: “Кто хочет стать падишахом, тому подобно установить добрые законы и обычаи» (Фазлаллах Рашид ад-Дин, 1987, с. 92). В «Шейбаниаде», историческом сочинении XVI в., создателем торе также назван мифический Тюрк (Березин И.Н., 1849, с. 19). Еще одно эпическое произведение, обработанное хивинским Абу-л-Гази в середине XVII в., «Родословное туркмен» содержит следующие пассажи: «Ануш также следовал закону (шарі'ат) своего отца и деда», «[Тюрк] ввел [в обиход] кибитку (харгаһој). Некоторые обычаи, которые бытуют среди тюрков, пошли от него», «Тутек был мудрым, могущественным [и] добрым государем. Он установил многие обычаи, [бытующие] среди тюрков» (Родословная туркмен, 1958, с. 37, 39). Как следует из этих сообщений, законодательная роль правителей в тюркском обществе была столь значительна, что в эпосе они предстают даже творцами не только законов, но и обычаев. Эта тенденция нашла отражение и в более поздних источниках монгольского времени. Так, например, папский посланец к монгольским правителям в середине XIII в. Бенедикт Поляк по итогам своей поездки отмечал: «Согласно некоторым преданиям, Чингис-кан был создателем их [религиозного права]...», а чуть ниже: «Кроме того, у них есть некие традиции, [созданные] Чингис-каном, которые они соблюдают» (История татар, 2002, с. 128). Среднеазиатский автор XV в. Муин ад-Дин Натанзи («Аноним Искандера») сообщает о «туре (торе. – Р.П.) Бату», т.е. Батыя, правителя Золотой Орды (Материалы, 1973, с. 128). В дидактическом политико-правовом поэтическом сочинении «Кудатгу билик», написанном в XI в. караханидским сановником Юсуфом Хас-Хаджибом, говорится: «Властители – те из них, кто с разумением, / Надежный закон даровали владеньям» (Юсуф Баласагунский, 1983, с. 84). Это сочинение, на наш взгляд, следует выделить особо, поскольку оно описывает ситуацию в карлукском государстве Караханидов. Это государство было не только тюркским, но и мусульманским. Однако в тюркских государствах, принявших ислам, со-

хранилась традиция активной правотворческой деятельности монархов, а не знатоков права (улемов, кади и пр.); эта традиция ярко проявлялась и в тюркских государствах более поздних эпох – в частности, в Золотой Орде и ее государствах-преемниках, Османской империи (см.: Почекаев Р.Ю., 2006, с. 315; Айдын М.А., 2006, с. 325–328). Таким образом, автор «Кутадгу билик» не только констатирует, что законотворчество являлось функцией правителя, но и концептуально обосновывает законодательные прерогативы монарха – мусульманина, но вместе с тем и тюрка, наследника прежних каганов.

Каковы были основные формы или источники права, создававшиеся в результате законодательной деятельности тюркских государей?

Первая из них – это вышеупомянутое право «торе», которое исследователи нередко также считают обычным, т.е. сложившимся стихийно. Ранее и мы придерживались подобного понимания торе (Почекаев Р.Ю., 2006, с. 304), однако более глубокий анализ источников, содержащих сведения об этом источнике права, заставил нас пересмотреть свою позицию. Как вполне обоснованно отмечают современные исследователи, понятием «торе» обозначалось не только право, но и власть, порядок управления (Трепавлов В.В., 1993, с. 38–39). В какой-то степени торе даже противопоставляется обычному праву отдельных племен «йосун», которое исследователи характеризуют как «естественное право» (Doerfer G., 1963, s. 555; Golden P., 2006, p. 36). Другое дело, что в монгольскую и позднесредневековую тюркскую эпоху торе из системы конкретных норм и предписаний превратилось в совокупность более абстрактных правовых принципов, установленных, как считалось, самим Небом. Оно воспринималось как система божественных установлений, соблюдение которых гарантировало сохранение и поддержание вселенского миропорядка, а нарушение влекло гнев Неба. Таким образом, в это время оно, действительно, имело больше общего с обычным правом, нежели с государственным законодательством (Скрынникова Т.Д., 1997, с. 47; Хамфри К., Хурэлбатор А., 2004, с. 465 и след.). Однако нас в рамках настоящего исследования интересует не последующая эволюция, а истоки торе.

И в самом деле, в эпоху тюркских каганатов термин «торе» имел куда более конкретное наполнение. Анализ тюркских исторических памятников позволяет сделать вывод, что торе представляло

собой систему законов, т.е. результат правотворческой деятельности верховных правителей, причем по вполне определенным вопросам – система центра и крыльев, иерархия военных и государственных должностей и порядок их замещения, соправительство, регулирование военной деятельности и пр. (Трепавлов В.В., 1993, с. 40–41). Превращение же этих конкретных законов в совокупность довольно абстрактных правовых принципов – типичное явление для средневековых кочевых обществ. Так, например, законы и установления Чингис-хана уже в эпоху правления его внуков воспринимались подданными монгольских ханов и иностранными современниками как «обычное право монголов». По-видимому, то же самое произошло и с торе: в качестве божественных установлений оно фигурирует уже в Киргизском каганате X в. (Бутанаев В.Я., 2004, с. 12).

Другая разновидность тюркских источников права уже гораздо четче соотносится с законодательной деятельностью конкретных правителей. Речь идет о ярлыках – указах верховных правителей по отдельным вопросам, касающимся государственной власти и интересов государства. Первые упоминания о ярлыках как особой разновидности правовых документов относятся к эпохе Уйгурского каганата; до нас дошли тексты ярлыков, изданных уйгурскими же правителями, но уже более позднего времени – IX–XI вв., когда каганат распался и ему на смену пришел конгломерат небольших самостоятельных уйгурских княжеств, просуществовавших до XIV в. (Тихонов Д.И., 1966; Тугушева Л.Ю., 1972). В дальнейшем институт ярлыков широко использовался во многих тюркских и монгольских государствах и действовал вплоть до XIX в. (Почекаев Р.Ю., 2006, с. 310–312). В отличие от торе (законов, установленных для постоянного исполнения и не подлежащих изменениям), каждый ярлык действовал в течение правления государя, который его издал. После смерти монарха его преемник мог отменить ярлык, а мог и подтвердить его – в последнем случае он издавал собственный ярлык, содержание которого было практически идентичным подтверждаемому ярлыку. По-видимому, именно этот порядок действия ярлыков и обеспечил их соотнесение с правотворческой деятельностью конкретных государей – в отличие от незыблемых норм торе, изначально созданных и в дальнейшем лишь поддерживаемых правителями.

Как уже было отмечено, законы (торе) и указы (ярлыки) правителей тюркских государств XI–XII вв. регулировали взаимоотношения различных властных структур между собой, а также власти

и общества. Однако более предметный анализ источников позволяет выделить и некоторые конкретные направления правового регулирования с помощью этих источников права.

Прежде всего, с помощью норм права, созданных государями, регламентировались основы государственного устройства, правомочия верховного правителя, структура и функции государственного аппарата. Так, на основе изучения тюркских эпиграфических и эпических памятников исследователи полагают, что торе регулировало следующие вопросы государственного устройства: 1) система крыльев; 2) основные принципы выдвижения на руководящие административные и военные должности (включая монархов); 3) соправительство («старшие» и «младшие»/«малые» ханы); 4) завоевательная деятельность; 5) распределение доходов и трофеев (Трепавлов В.В., 1993, с. 41). На основании ярлыков назначались правители областей, судьи, чиновники для выполнения отдельных поручений правителя, жаловались уделы (инджу) за службу хану и пр. (см.: Тихонов Д., 1958, с. 57, 64; Тихонов Д., 1960, с. 28).

Другое важное направление – уголовное право, т.е. система наказаний за преступления (подчеркнем: речь идет о преступлениях против государственных интересов или членов правящего рода – преступления в бытовой сфере карались на основе обычного права). Средневековые китайские историки, говоря о законах тюркских народов, чаще всего упоминают именно об уголовно-правовых нормах. Так, например, законы хунну представлены следующим образом: «Законы их: извлекшему острое оружие и фут – смерть; за похищение конфискуется семейство, за легкие преступления надрезывается лицо, а за важные – смерть» (Бичурин Н.Я., 1998, с. 50). О правлении сяньбийского Шеигяня также сообщается, что он «издал уголовные законы о бунтовщиках, убийцах и грабителях» (Бичурин Н.Я., 1998, с. 75). Киргизские законы представлены китайскими авторами также в виде характеристики наказаний за проступки и преступления: «Законы их очень строги. Произведший замешательство перед сражением, невыполнивший посольской должности, подавший неблагоприятный совет государю, так и за воровство, приговаривают к отсечению головы. Ежели вор имеет отца, то голову его вешают отцу на шею, и он до смерти обязан носить ее» (Бичурин Н.Я., 1998, с. 361).

Еще одной важной сферой было налоговое регулирование: нам известно о существовании разработанной налоговой системы в

государствах тюрков, уйгуров, кимаков. И если основы налогообложения оговаривались, вероятно, в нормах торе (Трепавлов В.В., 1993, с. 41), то конкретные налоги устанавливались и отменялись посредством издания соответствующих ярлыков. Так, например, согласно китайским источникам, тюркский Эль-каган усилил обложение народа податями и сборами, однако лишь когда они стали невыносимо тяжелыми, племена стали выходить из подчинения кагану (Кляшторный С.Г., Султанов Т.И., 2009, с. 113; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 91–92). Таким образом, сам факт налогообложения своих подданных представлял собой следование установившейся законодательной практике, и лишь чрезмерное увеличение налогов было сочтено незаконным и вызвало недовольство. В уйгурском каганате и последующих уйгурских княжествах с помощью ярлыков правителей вводились налоги, и их отмена производилась также на основании ярлыков: до нашего времени сохранилась челобитная подданных своему правителю, в которой они просят его издать ярлык о снятии с них албана (подати), который является для них чрезмерно разорительным (Тихонов Д., 1960, с. 29). К числу нормативных документов, издававшихся властями, вероятно, следует отнести и дошедшие до нас документы о раскладке сборов и повинностей с местного населения. Эти документы содержали информацию об имущественном состоянии налогоплательщиков, причем в строго определенной последовательности: так, если лицо, очередь которого нести повинность наступала, не мог по какой-то причине ее осуществить, повинность возлагалась на следующего по этой «раскладке» (Тихонов Д., 1958, с. 72–73). Имеются сведения и о развитой налоговой системе в государстве кимаков (Кумекоев Б.Е., 1972, с. 118). Соответственно, можно сделать вывод о законодотворческой деятельности в этой сфере их правителей.

С налоговой системой тесно связан и институт податного иммунитета – отдельные лица или категории лиц могли на основании ярлыков быть освобождены от уплаты налогов, сборов и несения повинностей. Например, известен ярлык уйгурского правителя XI в. Элик Кадыра, предоставляющий такой налоговый иммунитет Мурутлукскому монастырю (Тихонов Д.И., 1966, с. 258–259). В дальнейшем, как известно, институт тарханства широко применялся в тюрко-монгольских государствах, причем жаловалось оно именно на основании ярлыков, структура и правила оформления

которых сохранились еще с уйгурских времен (Тугушева Л.Ю., 1972, с. 246). Это в значительной степени опровергает распространенное мнение о монгольских ярлыках как заимствовании исключительно из китайского правового опыта.

Ряд ярлыков уйгурских монархов X–XI вв. регулирует и еще более специфические правоотношения, которые довольно сложно отнести к какой-то определенной сфере. Так, например, один такой ярлык представляет собой ответ-распоряжение некоему просителю относительно двух пленников-согдийцев. Другой содержит приказ об усилении охраны дорог от разбойников. Третий представляет собой запрет «правителя страны» Бильге-бека племенному вождю Арслану Таг Тутуку беспокоить население окрестностей города Ханогри (Тугушева Л.Ю., 1972, с. 244, 248–249). Еще один ярлык представляет собой проезжую грамоту с перечислением правомочий ханского чиновника и тех продуктов, которые ему полагалось требовать на пути следования (Тихонов Д., 1958, с. 73; ср.: Григорьев А.П., 1978, с. 107–108). Посвященные таким в общем-то разным вопросам, все эти ярлыки тем не менее относятся к административной сфере и позволяют сделать вывод о том, какими же повседневными вопросами должен был заниматься тюркский правитель рассматриваемого периода, по каким из них выносить свои официальные распоряжения.

До нашего времени сохранилось довольно значительное число тюркских (преимущественно уйгурских) деловых документов – договоры займа и аренды, акты об усыновлении, освобождении рабов и т.п. (Арсал С.М., 2002, с. 83). Все эти документы, безусловно, относятся к частноправовой сфере, поскольку касаются интересов отдельных лиц, а не государства и общества в целом. Однако сам факт их формализации (письменная форма, наличие необходимых реквизитов и пр.) убеждает в том, что и эта сфера регулировалась органами государственной власти (см.: Тихонов Д.И., 1966, с. 241–254; Арсал С.М., 2002, с. 84). Единообразие оформления упомянутых документов дает основание полагать, что их форма также могла быть установлена с помощью издания соответствующих ярлыков. Установление типовых форм официальных документов имело место и в более поздний период – например, Рашид ад-Дин (1946, с. 238–243) приводит образцы таких документов и текст утверждающих их ханских ярлыков, когда сообщает о правовых реформах ильхана Газана.

Формализация частноправовых отношений в средневековых тюркских обществах, осуществлявшаяся с помощью введения форм типовых документов для их закрепления, имела два положительных последствия для государства. Во-первых, это позволяло государству получить контроль над переходом прав собственности в отношении любого имущества (вещей, земли, рабов и т.п.), что обеспечивало более эффективную налоговую политику. Во-вторых, привлечение к совершению частных сделок представителей власти, оформляющих соответствующие документы, давало государству еще один источник дохода: на Востоке любые действия государственных чиновников традиционно вознаграждались, и, таким образом, совершение частной сделки с оформлением соответствующего документа влекло уплату чиновникам определенных сумм (что можно приравнять к современным пошлинам и сборам за оформление официальных актов).

Одним из наиболее обсуждаемых вопросов, касающихся истории государства и права средневековых кочевых обществ, является заимствование ими иностранных государственных институтов и правовых систем. До недавнего времени большинство исследователей склонялись к тому, что принципы государственного устройства и нормы права были заимствованы тюрками от своих иностранных соседей. Дискуссия велась преимущественно в отношении источников заимствования – была ли это китайская система права, согдийские (манихейские) правовые традиции или же право мусульманских государств. Однако, согласно результатам новейших исследований, развитие тюркского государства и права шло не вслед за развитием их оседлых соседей, а параллельно с ним. Таким образом, тюрки реагировали на «вызовы» Китая и мира ислама, предлагая в качестве «ответа» собственную систему государства и права – равноценную, но не идентичную китайской или мусульманской (Барфилд Т., 2009, с. 43 и след.). Безусловно, заимствования иностранного государственного и правового опыта могли иметь и, конечно же, имели место: известно, что на службе у правителей кочевых государств еще со времен хунну и сяньби состояли китайские чиновники, а в более поздних тюркских государствах канцелярские функции нередко выполняли выходцы из мусульманских государств. Однако считать право тюркских государств подражанием праву Китая или оседлых мусульманских государств было бы ошибкой: слишком велики были различия в мировоззрении, культуре, укладе жизни тюрков-кочевников и их оседлых соседей. Эти

отличия кочевых обществ обусловили существование особой системы тюркского кочевого права, регулировавшей такие сферы общественных отношений, которые в оседлых обществах просто-напросто отсутствовали.

Вышесказанное позволяет по-новому оценить и эволюцию права более поздних тюрко-монгольских государств со смешанным (оседло-кочевым) укладом. Так, до сих пор считалось, что право Монгольской империи, Золотой Орды и их преемников состояло из правовых обычаев и писаных норм, позаимствованных из китайской или мусульманской правовой практики. Анализ источников позволяет сделать вывод, что если форма (т.е. оформление и реквизиты) правовых актов в государствах Чингизидов и была позаимствована из опыта оседлых государств, то содержание в большей мере свидетельствует о преемственности правовым традициям древних тюркских государств VI–XI вв., отражая характерные для них политические реалии и социальные ценности.

Считаем также целесообразным отметить, что правители тюрко-монгольских государств более поздних эпох учитывали не только положительный, но и отрицательный опыт своих предшественников-тюрков. Так, например, в Тюркском каганате значительное распространение получила система соправительства, предусмотренная нормами торе: одновременно с верховным каганом могли править и «малые» каганы, каждый из которых в своих владениях был фактически независим от верховного правителя (Барфилд Т., 2009, с. 214). Надо полагать, эта независимость проявлялась и в том, что они могли проводить законодательную политику, идущую вразрез с политикой центральной власти. Правители Монгольской империи и государств Чингизидов учли порочность этой практики: ясы имели право издавать только верховные монгольские правители (хаганы), а ярлыки – только монархи независимых государств Чингизидов; удельные правители имели право издавать в рамках своих полномочий только подзаконные акты, которые не должны были противоречить воле верховного правителя (Григорьев А.П., 1878, с. 25–30, 44–45, 61–63).

В заключение вновь вернемся к проблеме, с которой мы начали исследование – вопросу о том, было ли право древних тюрков преимущественно обычным, каковым его считают исследователи. Как мы убедились, нормы, созданные правителями, составляли весьма значительную (если не сказать – доминирующую) часть

древнетюркского права. Получается, что исследователи ошибаются? И да, и нет. Просто, оперируя современными юридическими категориями или же проводя сравнение с оседлыми народами, они не вполне учитывают специфику законотворческой деятельности тюркских правителей. Так, например, для Европы или Китая основными источниками права традиционно являлись кодексы – своды законов и правовая доктрина (юридические сочинения авторов, имевших авторитет в обществе и государстве); отдельные акты обычно принимались по частным вопросам, требовавшим немедленных решений правового характера. В большинстве государств тюрков VI–XI вв. отсутствовали законодательные кодексы, не было и доктринальных источников (за исключением, вероятно, священных текстов и мифологии). Учитывая специфику кочевых государств, только личные распоряжения сильного лидера могли эффективно действовать на всей территории, где проживали подвластные ему кочевники.

В связи с этим вспоминается «теория общественного договора» Ж.-Ж. Руссо, которую впоследствии неоднократно критиковали: мол, не могли собраться все жители государства в одном месте и совместно принять основополагающие правовые нормы (см. подробнее: Ковлер А.И., 2002, с. 182–183). Однако практически этот механизм действовал в тюркских государствах – правда, в «центральноазиатском варианте»: монарх созывал своих подданных (или их наиболее авторитетных представителей) на курултай и объявлял им свою волю. Именно так, как мы помним, была впервые провозглашена Великая Яса Чингис-хана. Несомненно, так же действовали и предшественники основателя Монгольской империи, вводя в действие свои законы.

Однажды принятые основателями государства законы впоследствии, надо полагать, не подвергались значительным изменениям – именно поэтому в древнетюркских памятниках говорится, что правители в большинстве своем «поддерживали и укрепляли» право-торе, а не создавали его (Юсуф Баласагунский, 1983, с. 177; Каменные письма, 2005, с. 105; Бутанаев В.Я., 2004, с. 13). Кроме того, отсутствие традиции письменной фиксации правовых норм влекло их устную передачу из поколения в поколение. А устное право в классической юридической теории, как правило, характеризуется довольно уничижительно, поскольку европейские юристы еще с эпохи Древнего Рима привыкли иметь дело с письменными и зачастую кодифицированными источниками (Рулан Н., 1998, с. 69–

71). По-видимому, именно эти факторы и стали причиной того, что эти нормы впоследствии воспринимались как обычные, т.е. сложившиеся стихийно и действовавшие из поколения в поколение. Однако, как представляется, в рамках настоящего исследования нам удалось показать, что право древнетюркских государств не являлось обычным в традиционном понимании этого термина, поскольку создавалось властями, охранялось и защищалось ими.

Библиографический список

Айдын М.А. Право в Османском государстве // История Османского государства, общества и цивилизации. М., 2006. С. 323–370.

Арсал С.М. Тюркская история и право. Казань, 2002. 412 с.

Барфилд Т. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.) / пер. с англ. Д.В. Рухлядева, В.Б. Кузнецова; науч. ред. и пред. Д.В. Рухлядева. СПб., 2009. 488 с.

Березин И.Н. Шейбаниада: История монголо-тюрков на джагатайском диалекте. Казань, 1849. 342 с.

Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Алматы, 1998. Т. I. LLXIV+390 с.

Бутанаев В.Я. Степные законы Хонгорая. Абакан, 2004. 279 с.

Григорьев А.П. Монгольская дипломатика XIII–XV вв.: Чингизидские жалованные грамоты. Л., 1978. 136 с.

Жекшеев А.С. Кыргызская государственность через призму естественного права // Диалог цивилизаций: электронное издание. URL: http://siteistok.host.net/kg/bibl/DC-2/111_djeksheev.htm.

Жумаганбетов Т.С. Власть кагана в древнетюркской государственной организации // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: История. 2008. Вып. 27, № 34 (135). С. 14–19.

История отечественного государства и права / под ред. О.И. Чистякова. М., 2004.. Ч. 1 430 с.

«История Татар» Ц. де Бридиа / пер. С.В. Аксенова, А.Г. Юрченко // Христианский мир и «Великая Монгольская империя». СПб., 2002. С. 75–126.

Каменные письма. Древнетюркская поэзия VI–XII вв. / сост. А. Преловский М., 2005. 280 с.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. 346 с.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. От древности к Новому времени. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2009. 432 с.

Ковлер А.И. Антропология права. М., 2002. 480 с.

Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972. 156 с.

Кычанов Е. И. Основы средневекового китайского права. М., 1986. 264 с.

Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973. Вып. 1. 280 с.

Мелиоранский П. Памятник в честь Кюль-Тегина // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. СПб., 1899. Т. XII. С. 1–144.

Почекаев Р.Ю. Особенности формирования и эволюции правовой системы Улуса Джучи // Тюркологический сборник. 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М., 2006. С. 301–322.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей / пер. с перс. А.К. Арендса, ред. А.А. Ромаскевич, Е.Э. Бертельс, А.Ю. Якубовский. М.; Л., 1946. Т. III. 340 с.

Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази, хана хивинского / пер. и исслед. А.Н. Кононова. М., 1958. 193 с.

Рулан Н. Юридическая антропология. М., 1998. 310 с.

Рязановский В.А. Монгольское право, преимущественно обычное. Харбин, 1931. 306+42+II с.

Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М., 1997. 216 с.

Тихонов Д. Зависимые инджу // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. (Т. 8: Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР). Алма-Ата, 1960. С. 26–31.

Тихонов Д. Налоги и налоговые термины в уйгурском государстве // Ученые записки Института востоковедения. М., 1958. Т. XVI. С. 52–77.

Тихонов Д.И. Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X–XIV вв. М.; Л., 1966. 288 с.

Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. (проблема исторической преемственности). М., 1993. 163 с.

Тугушева Л.Ю. Ярлыки уйгурских князей из рукописного собрания ЛО ИВАН СССР // Тюркологический сборник. 1971. М., 1972. С. 244–260.

Фазлаллах Рашид ад-Дин. Огуз-наме / пер., пред., коммент., прим. и указ. Р.М. Шукюровой. Баку, 1987. 127 с.

Хамфри К., Хурэлбатор А. Значение термина *törü* в монгольской истории // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004. С. 464–482.

Юсуф Баласагунский. Благодатное знание / подг. изд. С.Н. Иванова. М., 1983. 560 с.

Doerfer G. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Band I. Wiesbaden, 1963. 557 s.

Golden P. The Turk Imperial Tradition in the Pre-Chinggisid Era // Imperial statecraft: Political forms and techniques of governance in Inner Asia, sixth-twentieth centuries / Ed. by D. Sneath, L. Peachey. Cambridge, 2006. P. 23–62.

Klyashtornyĭ S.G. Customary Law in the Ancient Turkic States of Central Asia: The Legal Documents and Practical Regulation // Central Asian Law: An Historical Overview. A Festschrift for the Ninetieth Birthday of Herbert Franke. Topeka, Kansas, 2004. P. 13–39.

О.Б. Бубенок

*Институт востоковедения им. А. Е. Крымского
НАН Украины, г. Киев*

**НОВАЦИИ И ТРАДИЦИИ
В ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ
ДРЕВНИХ ТЮРКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Немногочисленные письменные свидетельства о погребально-поминальных традициях древних тюрков Центральной Азии позволяют говорить, с одной стороны, об их преемственности кочевым предшественникам, а с другой – дают возможность отметить новые черты, не встречавшиеся до этого у кочевников. Последние хорошо видны на обряде кремации.

Китайские династийные хроники свидетельствуют о том, что на определенном этапе истории тюрков-тугю обряд трупосожжения при похоронах знатных тюрков существовал до первой трети VII в. н.э. В «Таншу» о погребальном обряде тюрков мы читаем следующее: «Тело покойника полагают в палатке. Сыновья, внуки и родственники обоего пола закалывают лошадей и овец и, разложив перед палаткою, приносят в жертву; семь раз объезжают вокруг палатки на верховых лошадях, потом пред входом в палатку ножом надрезывают себе лицо и производят плач; кровь и слезы совокупно льются. Таким образом поступают семь раз и оканчивают. Потом в избранный день берут лошадь, на которой покойник ездил, и вещи, которые он употреблял, вместе с покойником сожигают; собирают пепел и зарывают в определенное время года в могилу. Умершего осенью или зимой хоронят, когда лист на деревьях и растениях начнет желтеть или опадать; умершего весной и летом хоронят,